

DOI 10.25991/AE.2020.34.1.019
УДК 82.1

К. Д. Гордович

Гордович Кира Дмитриевна — доктор филологических наук, профессор Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, grdvkda@mail.ru.

МАСТЕР И ИВАН БЕЗДОМНЫЙ В СИСТЕМЕ СЮЖЕТНЫХ ЛИНИЙ И В ОБЩЕМ ЗАМЫСЛЕ РОМАНА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

В работе выясняются основания для сопоставления столь разных персонажей как Мастер и поэт Бездомный. Рассматривается их связь в развитии сюжета; особенности имен; различие в отношении в собственному творчеству. Утверждается возможность и значимость возникновения отношений Учителя и Ученика.

Ключевые слова: литература, история, стихи, роман, мастер, понимание, учитель, ученик.

K. D. Gordovitch

The Master and Ivan Bezdomny in the system of narrative arcs and overall concept of "Master and Margarita"

This work highlights the bases for contrasting characters as different as the Master and the poet Bezdomny. I look at their connection in the development of the plot, as well as the peculiarities of the name, and the differences in their approach to their own work. I establish the possibility and importance of the emergence of a teacher-student relationship.

Keywords: literature, history, poetry, novel, master, understanding, teacher, student.

В последнее время сложилась тенденция к «расшифровке» произведений классиков. Некоторые авторы свою задачу формулируют уже в заглавии исследования: «Расшифрованный Пастернак», «Расшифрованный Булгаков» [1]. Поиск «тайн» в основном сводится к выяснению прототипов персонажей. Цитируются отрывки из писем, статей, описываются эпизоды случайных встреч, воспроизводятся диалоги.

Так, Б. Соколов в книге о тайнах романа «Мастер и Маргарита» реконструирует взаимоотношения Булгакова с Маяковским, Безыменским, Демьяном Бедным. Эти страницы, очевидно, расширяют наши представления о литературной жизни 20-х годов, что-то добавляют к характеристике каждого. Но для понимания замысла романа и внутреннего смысла образов все эти подробности мало что дают, скорее, уводят в сторону.

Представляется более важной и оправданной попытка понять творческую задачу писателя; не аллюзии, ассоциации, параллели, а смысл обращения к тем или иным психологическим типам; особенности их отношения к творчеству, к жизни, к своему призванию.

В исследованиях о романе Булгакова отмечены особенности структуры сюжетных линий. Так, Б. Сарнов пишет о «строжайшей симметрии: едва ли не каждому персонажу исторической части соответствует более или менее точный его аналог, действующий в современности. Иешуа имеет своего аналога в лице мастера. Ученику Иешуа Леввию Матвею соответствует ученик Мастера — Иванушка Бездомный» [2, с. 70–71].

В данной работе тоже в центре внимания «пара» персонажей, но оба они из современности — Мастер и Иван Бездомный. Чем можно обосновать рассмотрение этих персонажей именно как «пары»?

Оба, хотя и очень по — разному принадлежат к миру литературы. Если с Иваном читатель знакомится уже на первой странице как с «известным поэтом», то «явление» Мастера происходит только в 13 главе, когда в психиатрической клинике, куда привезли Ивана, появляется через балконную дверь его сосед. Именно здесь и именно Ивану он рассказывает свою историю. Недозволенное общение «соседей» продолжится и приведет к принципиальным изменениям в поэте. Произойдет воображаемая встреча и в конце, когда возникнет между ними самый высокий вид связи, когда Мастер назовет Ивана учеником и передаст «эстафету» — написание продолжения о Пилате. Итогом общения этих персонажей воспринимается и эпилог. Ивану оказывается переданной и профессия Мастера (историк по образованию), и способность к восприятию «высшего» мира (воздействие полнолуния).

Обосновав связь персонажей, подчеркнем их различие. Прежде всего скажем об имени. Поэта Бездомного величают по имени отчеству (Иван Николаевич), он «известнейший поэт» [3, с. 149]. Первая метаморфоза с именем произойдет в клинике. В этих эпизодах будет звучать просто Иван или Иванушка. Соединение Иванушки с псевдонимом, как в упоминавшейся работе Сарнова, неправильно. В итоговых сценах уже совсем не будет поэта Бездомного, а появится историк Иван Николаевич По-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–012–00374 «М.А. Булгаков: pro et contra. История и современное отношение к наследию Михаила Булгакова»

нырев. Произошли существенные изменения, но имя все же сохранилось.

У Мастера с самого начала при его появлении в его рассказе о предыстории имени нет: «У меня нет больше фамилии, — с мрачным презрением ответил странный гость, — я отказался от нее, как вообще от всего в жизни. Забудем о ней» [3, с. 225].

Та литература, в которую он пытался войти со своим романом, отвергла его — имя не состоялось. Вместо него определение, данное любимой женщиной, — Мастер. Оно прозвучит и в клинике, и на встрече с Воландом, и в финале. Это не просто замена имени, но высшая степень признания, не состоявшегося в мире Латунских и Лапшенниковых, но перешедшего в вечность.

Стоит сопоставить и отношение этих персонажей к собственному творчеству. Из рассказа Мастера мы узнаем, как он пытался бороться за свой роман, в который вложил душу, талант, знания и интуицию: «Чудовищная неудача с этим романом как бы вынула из меня часть душ» [3, с. 232–233].

Возненавидел и сжег свой роман Мастер не потому, что разочаровался в созданном, а отчаялся в борьбе за путь к читателю, сломался. В своем рассказе-исповеди мастер вспоминает и о стадии страха, тоски, воссоздает образ спрута и, наконец, огня, в котором сжигаются списки романа и тетради. Эти откровения предшествуют фразе о «ненависти» к своему роману.

Поэт Бездомный пишет «на заказ» и никакой души в свои творения не вкладывает, а знаний у него просто нет. О невежестве Бездомного говорит и Воланд, и Мастер. Да и без этих высказываний читатель может понять уровень поэта. Чего стоит его догадка о композиторе-«однофамильце Миши Берлиоза» [3, с. 155].

При первой встрече с мастером звучит его признание, исключая все иллюзии по поводу оценки его собственных стихов:

- Хороши ваши стихи, скажите сами?
- Чудовищны! — вдруг смело и откровенно произнес Иван.

Отказ от сочинительства происходит легко, без всякого напряжения и сожаления.

- Не пишите больше! — попросил пришедший умоляюще.
- Обещаю и клянусь. — торжественно произнес Иван [3, с. 221].

Клятву свою Иван сдержал. Он не просто перестал писать плохие стихи, но в принципе стал другим.

Отметим те изменения, которые произошли с Иваном. Решающую роль в них, очевидно, сыграло общение с Мастером. Изменения коснулись и внешнего вида. Скромная внешность профессора Понырева в конце романа ничего не имеет общего с тем молодым человеком, которого впервые видим на Патриарших прудах: «плечистый, рыжеватый,

вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке, в ковбойке, жеваных белых брюках и черных тапочках» [3, с. 9].

Понимаем, что ему совершенно наплевать на производимое впечатление, где бы он ни появлялся. После купания и краже одежды это впечатление еще усиливается, когда он шествует по центру Москвы босиком и в кальсонах. В таком виде он и предстает перед «братьями по литературе» и озадаченным швейцаром дома Грибоедова: «Он был бос, в разорванной беловатой толстовке, к коей на груди английской булавкой была приколотая бумажная иконка со стершимся изображением неизвестного святого и в полосатых белых кальсонах» [3, с. 149].

Его ничуть не смущает нелепость собственной внешности, поскольку одержим идеей поймать и обезвредить то ли «консультанта», то ли «шпиона». Эта общественная активность куда более соответствует ему, чем стихи. Последние вспышки ее выплескиваются уже в клинике, в попытках вызвать милицию.

В тех изменениях, которые произошли в Иване, отмечено не только угасание общественной активности, что легко списать на препараты в психиатрической клинике. Речь идет о самом существовании его интересов. Как уровень его стихов автор дает возможность оценить самому Ивану, так и здесь звучит диалог «старого» и «нового» Ивана. «И вместо того, чтобы поднимать глупейшую бузу, не умнее ли было вежливо расспросить о том, что было далее с Пилатом и этим арестованным Га-Ноцри? А я черт знает, чем занялся» [3, с. 204].

И пусть «старый Иван» еще какое-то время поднимает голову и подает голос — изменения уже произошли, а интерес к истории Пилата стал подлинным, настоящим. Очевидно, поэтому и смог возникнуть принципиально важный мотив учителя и ученика. Учеником стал уже новый Иван.

Мастер, возненавидевший свой роман, отказавшийся от него, признавший свое поражение, уходит со сцены (из реальной жизни) с надеждой на Ивана: «Вы о нем продолжение напишите» [3, с. 467]. И совсем уж тогда не случайно, что Иван становится сотрудником института истории, и не просто сотрудником, а профессором.

Мы знаем, что Булгаков не сдался — он до последних дней продолжал работу над романом. Да, он устал и хотел покоя, как и Мастер. И даже признавая свое поражение в неравной схватке, он хотел верить, он надеялся, что продолжение будет — не продолжение текста, а воскрешение к жизни, потому что «рукописи не горят». Необходимо, чтобы было кому это осуществить. Потому так важен ученик, который продолжит. Поэтому так важна в романе эта пара — Мастер и Иван.

Мастер — главный герой романа, несомненно автобиографический, написавший («угадавший») историческую часть сюжета. Иван важен для сюжета в целом. Поэтому он задействован и в завязке, и в эпилоге.

В начале сюжета он отражает те особенности современной реальности, с которой оказался несовместим Мастер. Эволюция, происходящая с ним, приводит его к смене интересов и занятий, а читателю позволяет почувствовать и поверить в это преобразование.

Литература

1. Соколов Б. Кто вы, Доктор Живаго? Расшифрованный Пастернак — М.: Яуза, Эксмо, 2006.
2. Соколов Б. Тайны «Мастера и Маргариты» Расшифрованный Булгаков — М.: Яуза, Эксмо, 2006.
3. Смирнов И. Роман тайн «Доктор Живаго» — М.: НЛО, 1996.
4. Сарнов Б. Каждому по его вере. О романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» — М.: изд-во МГУ, 2000.
5. Булгаков М. «Мастер и Маргарита» — СПб.: Азбука Классика, 2007.